

Рассвет и Закат «Коммерческого Государства»

Владислав Иноземцев о том, почему путинская Россия ближе к корпорации, чем государству

Владислав Иноземцев

2021-05-11

Россия живет при Путине уже двадцать второй год — и имеет все шансы прожить еще долго.

Созданная президентом и его соратниками/подельниками система называлась экспертами по-разному:

— от управляемой демократии и гибридной системы до авторитарного и даже фашистского режима.

Однако все эти определения не отражают важнейших черт сложившегося в России *социально-экономического строя*, который выглядит настолько нетипичным, что требует совершенно особого терминологического подхода.

Обычно исследователи подходят к современной России как к государству, которое в отдельных аспектах своего функционирования отклоняется от некоей нормы.

Недавняя [книга](#) автора этого текста критикует такой подход.

Путинская система в какой-то мере вообще не является государством в традиционном смысле этого слова.

- 1) У нее *нет четкой идеологии*;
- 2) она претендует на *размытость и неопределенность границ*;
- 3) она, что особенно важно, *не проводит разделения частного и государственного*, трактуя и то и другое совершенно произвольно;
- 4) наконец, она *враждебна правовой культуре как таковой*, поскольку постоянно меняет правила и принимает размытые законы, жертвой которых может стать каждый ее подданный в любой момент времени.

Природа этого странного режима определяется *основной целью его бенефициаров*:

— **личным обогащением.**

Путин не был первооткрывателем новой системы:

— в той или иной мере она существует и за пределами России — в современных *Казахстане, Таджикистане, Азербайджане или Туркменистане.*

Однако

— **важным отличием России от этих стран является относительно формализованный характер режима, не имеющего семейного или кланового центра.**

Стратегия личного обогащения предполагает полную коммерциализацию власти и отношение к публичным должностям как к активу, обладающему своей ценой.

Отношения «благодарности» за те или иные карьерные продвижения выступают фундаментальной «скрепой» между элементами властных структур, а сама система власти действует в первую очередь как механизм извлечения дохода.

Важнейшим моментом является невозможность назвать этот доход коррупционным:

— бенефициары системы извлекают его не в результате нарушения ими каких-то кодифицированных норм, а вполне в рамках установленных правил и законов.

Бизнес, в который вовлечены чиновники, их родственники и партнеры, является тем, для обеспечения чего и существует государственный аппарат:

— последний должен обеспечивать собирание денег в бюджет, который, отчасти а) присваивается бенефициарами системы, отчасти б) используется для удовлетворения минимальных потребностей населения, и в очень небольшой мере в) тратится на цели поддержания материальной и социальной инфраструктуры в работающем состоянии.

Первая цель остается основной, две вторые — побочными:

— сколь бы ни увеличивались бюджетные доходы, в стране не строится больше дорог, не достигаются новые успехи в технологической сфере, да и основные социальные пособия в реальном измерении не растут уже второе десятилетие.

Это и есть «коммерческое государство».

Его нельзя охарактеризовать как «захваченное государство»,

— так как, в последнем случае обычно фигурирует государство, реальная власть в котором захвачена формально не обладающими политическими полномочиями олигархами или мафиози.

В российском случае этого нет:

— страной владеют те, кто легитимно избран или назначен на свои посты в рамках определенной законом процедуры.

Коммерческое государство обладает формальными признаками государства (разделением властей, налоговой и судебной системами,

армией, внешней политикой и т. д.), но на деле представляет собой бизнес-структуру, имитирующую государственный порядок.

Эта имитация определяет его сильную и слабую стороны.

А. Сильной стороной является то, что,

— обладая формальными признаками государства, российское коммерческое предприятие Путина и Ко имеет огромные возможности, которых нет ни у одной корпорации или мафиозной структуры.

Оно может создавать легальные вооруженные формирования, угрожать соседям, выступать стороной международных соглашений, осуществлять суверенные заимствования и денежную эмиссию, устанавливать и собирать налоги, выдавать (и продавать) гражданство, обеспечивать дипломатический иммунитет своим лоялистам и многое другое.

Оно паразитирует на национальной экономике,

обеспечивает превращение общественных активов и средств в частные, а также создает инструменты поддержания того состояния, в котором все это является возможным.

Оно запугивает остальной мир или его отдельные части своим агрессивным и непредсказуемым поведением, но

при этом не имеет ни четкой программы внешней экспансии, ни ожиданий возможных выгод от таковой.

Скорее внешняя политика подобного образования сводится к

— дезорганизации как можно большего числа иных политических структур при сохранении стабильности внутри собственных границ.

Воспринимаясь в мире и внутри страны именно как классическое государство, а не как огромная корпорация, путинская Россия обладает особыми возможностями прежде всего потому, что она имеет в арсенале своих средств влияния орудия, недоступные руководителям большинства цивилизованных государств:

- 1) фактически частные армии;
- 2) безграничные финансовые средства, используемые в том числе для подкупа и коррупции;

3) возможность раздавать гражданство и предоставлять убежища своим сторонникам и адептам и т. д.

У сегодняшней власти практически нет никаких табу — и именно поэтому диалог с подобной системой исключительно сложен:

цивилизованные страны цепенеют, когда сталкиваются с «партнером»,

- 1) не желающим знать о законе и праве;
- 2) демонстративно отрицающем грань между правдой и ложью;
- 3) принципиально дающим понять, что он может купить все и вся даже в случае, когда традиционно понимаемая политическая целесообразность не предполагает такого решения.

Иллюзия государственности — важнейший актив Путина и его ближнего круга.

Именно поэтому самое любимое ими слово — «суверенитет», а самое сакральное действие — его защита или утверждение.

В мире, где права граждан уже считаются первичными по отношению к правам государств, на такой подход не находится адекватного ответа.

Б. Слабой стороной такой системы является исключительная внутренняя неэффективность «коммерческого государства».

Его бенефициары, поддерживающие иллюзию своих действий в качестве «нормальных» государственных деятелей, не могут открыто действовать как собственники де-факто приватизированной ими страны.

В отличие, например, от нефтяных монархий, где члены королевских семей входят в круг богатейших людей мира, порой называя себя президентами и премьер-министрами,

Путин и его окружение не имеют такой возможности, декларируя доходы в несколько миллионов рублей в год (хотя среди российских политиков в последнее время появляются и исключения).

Поэтому, действующая система требует для своего функционирования невероятных транзакционных издержек:

— для того, чтобы чиновники могли получить деньги из бюджета, считающиеся ими своими, приходится предпринимать действия или инициировать проекты, стоимость которых в разы превышает те суммы, которые в итоге должны оказаться в нужных карманах.

По мере того как система развивается, проекты становятся все более экзотическими (сейчас, например, заговорили даже о Трансполярной магистрали), цена их — все более высокой, а доля средств, доходящая до реальных исполнителей содержательной работы, — все меньшей.

При этом

верхушка осознает, что она не имеет гарантированного средства обеспечения наследования накопленных состояний,

что порождает как бы «второй круг движения средств»:

— после их зарабатывания требуется обеление, и тут транзакционные издержки тоже весьма значительны.

В результате,

основная проблема «коммерческого государства» воплощается не в том, что воруется много денег (это как раз его цель), а в том, что для сохранения минимальных приличий в разы большие средства расходуются бессмысленно.

Это вызывает постоянный рост издержек функционирования системы без повышающегося результата.

Дополнительную проблему создает и сама организация бюрократии,

которая обходится ее хозяевам все дороже — как формально, так и неформально, причем развернуть данный тренд невозможно.

В «обычном» государстве ответом на такие процессы стала бы борьба с коррупцией, но в нашем случае она не дает результата:

чем опаснее становится государственная служба, тем более высокие «премии за риск» закладываются теми, кто готов участвовать в игре.

В результате

арест одного вороватого чиновника с очередным миллиардом рублей в коробках из-под обуви и коллекцией часов оборачивается ростом

аппетитов тысяч других, суммарно значительно превосходящих изъятые в доход государства средства их не очень удачливого коллеги.

В последние годы экономический рост в России остановился не столько из-за неустойчивых цен на нефть и западных санкций, сколько из-за того, что «ведро», которым «черпаются» бюджетные средства, стало уж слишком «дырявым».

Коммерческое государство достигло в своем развитии того состояния, в котором любые дополнительные средства, которые могут быть извлечены из национальной экономики, уходят его непосредственным бенефициарам.

Стремление уберечь какую-то их часть от быстрого разграбления ведет к формированию финансовых резервов,

которые в такой ситуации выглядят совершенно нелишними, но отвлечение средств в которые еще больше замедляет развитие страны и общества.

Само по себе появление совершенно нового типа государства (а точнее было бы, наверное, сказать — *квазигосударства*) является одной из самых оригинальных новаций в международной политике XXI века.

Российский пример показывает, что

по сути коммерческая компания способна приватизировать государственные институты и выхолостить их полностью — настолько, что «государственнических» мотивов в действиях управляющих ими политиков практически не остается.

Стремление к максимальному обогащению выступает эффективным средством консолидации группы бенефициаров режима, ее расширения и обеспечения привлекательности членства в данной группе — причем последняя обеспечивает лояльность «винтиков» и высокую управляемость всей системы.

***Отсутствие любых ограничений — как морального, так и материального свойства* — делает коммерческое государство своего рода «волком в овечьей шкуре, проникшем в мирную отару»:**

противостоять ему овцы практически не способны, так как не понимают, насколько могут меняться претензии партнера и используемые им приемы по ходу игры (не зря политические

аналитики, обслуживающие этот режим, все последние годы активнее всего обсуждают концепт «мира без правил»).

В то же время в основе данной системы лежит жадность

— которая, как занимающий любое предоставленное ему пространство газ (причем не обязательно метан), — не предполагает никакого естественного предела.

Начав с относительно немногого, собственники коммерческого государства довольно быстро переходят к присвоению любых доходов, генерируемых системой, практически фиксируя долю, которой они готовы делиться с подданными — и после некоторого периода балансирования в таком состоянии неизбежно начинают безудержное наступление на права последних, осознанно ухудшая условия их существования (в России это проявилось во второй половине 2010-х гг. и хорошо видно на примере «оптимизации» медицины и повышения пенсионного возраста).

В перспективе подобное «урезание довольствия» не принадлежащих к правящей группе граждан будет только нарастать.

Коммерческое государство не может быть эффективно разрушено ни извне, ни снаружи.

- 1) Оно осторожно во внутренней политике и постоянно выделяет достаточное количество денег и ресурсов для борьбы с оппозицией;
- 2) создает условия для выдавливания из страны несогласных и замещения их лоялистами из сопредельных стран;
- 3) формирует информационную инфраструктуру слежки и террора.

При этом,

оно достаточно авантюристично и агрессививо во внешней политике для того, чтобы западные страны готовы были ему жестко противостоять — куда с большей вероятностью на каком-то этапе будет достигнуто соглашение о «красных линиях», в пределах которых ему будет дозволено делать практически все, что угодно.

Однако,

коммерческое государство несостоятельно в более долгой перспективе:

- 1) оно способно поглотить без остатка и без позитивных последствий для общества любой объем ресурсов;

- 2) оно принципиально не ориентировано на модернизацию и развитие;
- 3) оно безостановочно увеличивает круг «кормящихся» и потому может существовать только до тех пор, пока «приватизированная» страна генерирует приемлемые для элиты доходы (при этом нужно иметь в виду, что уровень «приемлемости» также постоянно растет).

В отличие от западных экономик, которые, «оседлав» новейшую технологическую волну, вошли в мир «неограниченного богатства» (как из-за изменения специфики воспроизводственного процесса, так и в результате новой инженерии финансовой системы),

— коммерческое государство само закрыло себе путь такого революционного перехода.

У него остаются сегодня только истощающиеся (и становящиеся в глобальном масштабе все менее востребованными) природные ресурсы и уверенно беднеющий народ.

Со временем ожидания самой правящей элиты придут в непримиримое противоречие с возможностями страны — и тогда неизбежно наступит пора перемен.

Судьба российского коммерческого государства решается и решится не в окопах Донбасса, кабинетах Вашингтона и Брюсселя, и даже не на площадях российских мегаполисов.

Она будет определена успехами декарбонизации, новыми возможностями глобальных финансов, миром, открывающим лучшие возможности для талантливых россиян.

Сложившийся в России режим нельзя разрушить — его можно только пережить.

<https://ridl.io/ru/rassvet-i-zakat-kommercheskogo-gosudarstva/>
